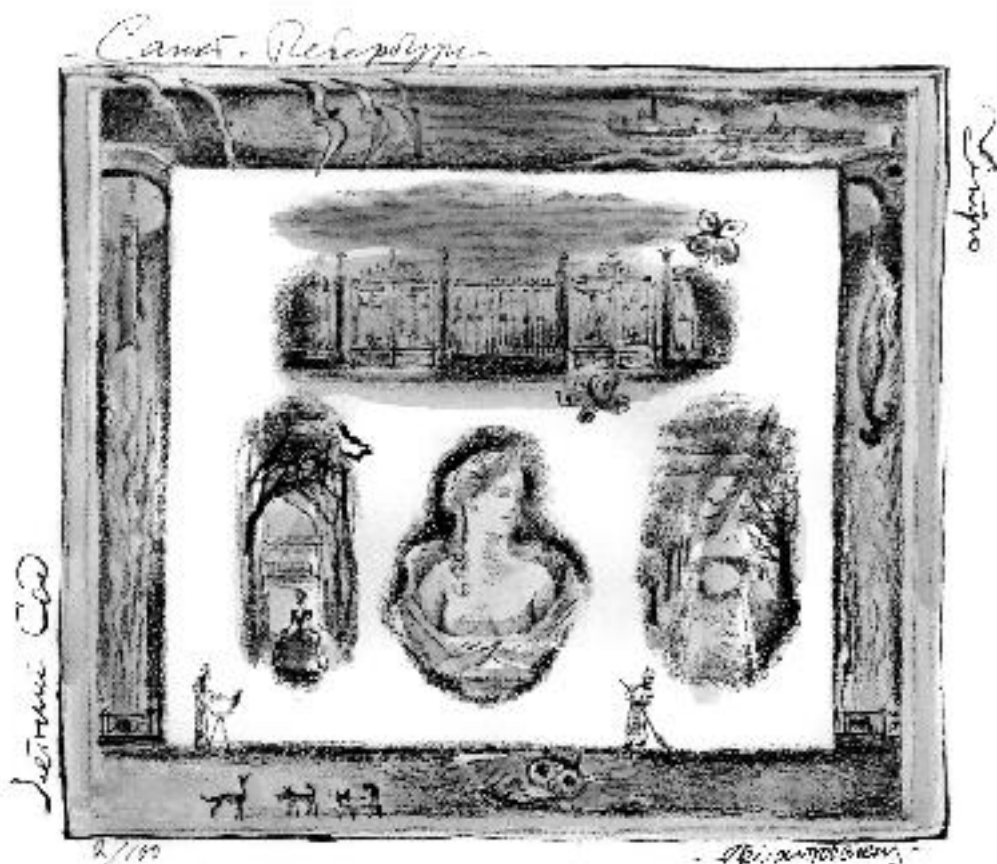

LiteraruS – Литературное слово 1(46), 2015 (весна)

2003 – 2013

Историко-культурный
и
литературный журнал на русском языке
Издается в Финляндии с 2003 года

Главный редактор
Людмила Коль

Редакционный совет

Тимо Вихавайнен, Игорь Воловик, Сергей Погребов, Галина Пронина, Ирина Савкина,
Елена Хеллберг-Хирн

Корреспонденты

Полина Копылова (Финляндия), Светлана Матссон-Попова (Швеция),
Нина Гейдэ (Дания), Юлия Лалуа (Франция), Евгений Степанов (Россия)

Компьютерная графика и макет обложки

Таня Варонен

Корректор

Наталья Лопановская

Web-мастер

Евгений Малицкий

Журнал имеет 6 выпусков в год, №№ 1–4 выходят на русском языке

Подписка на журнал принимается

по e-mail: litararus@kolumbus.fi

по тел.: +358 40 5121618

Информация о журнале расположена на сайте:
www.litararus.org

Журнал публикует произведения авторов, живущих в Финляндии, Скандинавии и других странах, а также российских авторов, пишущих на финские темы; тексты принимаются по e-mail

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Точка зрения автора может не совпадать с точкой зрения редакции

Материалы публикуются на безгонорарной основе

Издатель: **LitararuS**

Y-tunnus: 1538941-8

При участии LitararuS ry

Печатается в типографии GRANO

© LitararuS, 2015

Издание осуществляется в рамках Проекта «LitararuS»
при поддержке Министерства образования и культуры Финляндии

ISSN 1459-2673

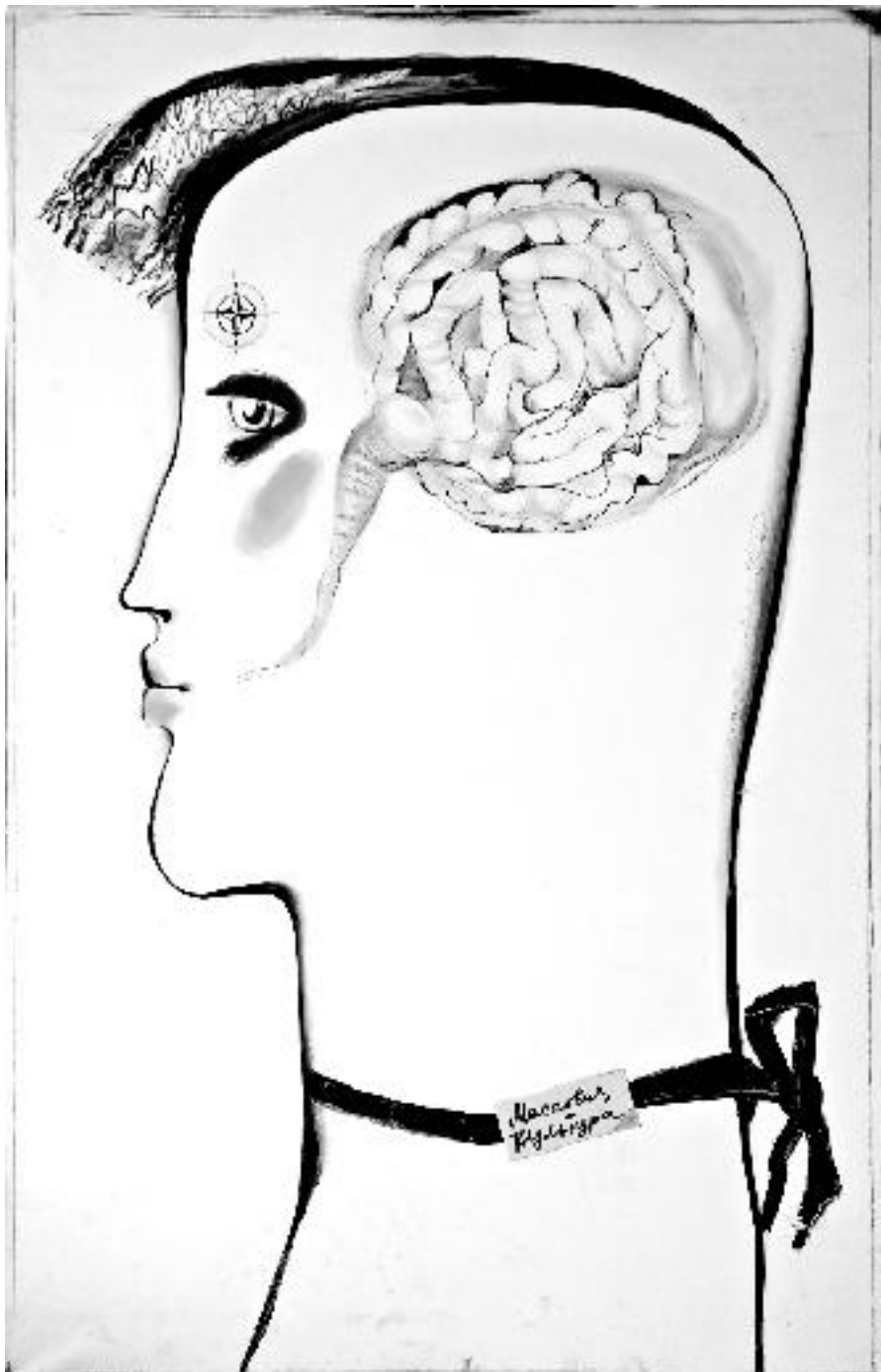

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ	
Анна Анохина, Михаил Окунь, Мария Ватутина	5
НАША ИСТОРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	
<i>Русский Харбин: журнал «Рубеж»</i>	10
АНОНС	
<i>Знаете ли вы Хельсинки?</i>	17
СОВРЕМЕННЫЙ СЮЖЕТ	
Татьяна Розина. Бессонница , рассказ	18
Юлия Лаваренко. За сто восемьдесят пять миль , рассказ	26
Игорь Воловик. Ноктюрн для левой руки , новелла (продолжение)	31
СТУДИЯ	
Алиса Денисова. Мой май уже уходит от меня ..., стихотворения	36
ЛИТЕРАТУРА	
Алексей Востров. Финляндско-шведский модернизм	40
Нина Гейдэ. От нежной Герды к Снежной королеве	47
ИСКУССТВО	
<i>Полет бабочки</i>	54
СТРАНИЦА ПЕРЕВОДЧИКА	
Даниэль Кац. Полегчало, Бета , рассказы (пер. с финск.: Галина Пронина)	58
ВОСПОМИНАНИЯ	
Светлана Матссон-Попова. Красный ветер	66
ПУТЕШЕСТВИЕ	
Эмилия Лариева. Западный Кавказ. Новый год, 2014	72
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ	
Степан Гавриленко. Дневник (Публикация: Жан Гавриленко , продолжение)	84
ЭХО	
<i>Не только о литературе</i>	95
Сергей Мезин. Семьдесят две картины нераскаленной страны	96
<i>Оголосах времени</i>	101
НОВАЯ КНИГА	
<i>Рецензии</i>	102
ОБЪЯВЛЕНИЯ	108

Художественное оформление: *Ольга Биантовская*.

Стр. 1: С.-Петербург. Летний сад, стр.4: Массовая культура.

Анна Анохина

Анна Анохина

Поэт, автор журнала с 2003 года. Стихи вошли в поэтический сборник «Структура сна», (изд. Алетейя, 2008) и отмечены премией «LiteraruS-2009»

***

Топи, топи не мои! Злые вальдшнепы
Надрывались до зари, смехом кашляли.
Ягодююли, водой губы высинив,
Задыхалась под тобой. Лешьи выселки.
Косы, косы не сплести рыжим обручем –
Растрепалась по пути, в тропах волчьихя.
Наибалась над травой, выла, выла.
Голос будто бы не мой, тает сила...
Через пальцы утекла песня в ягель.
Чаща, чаща не моя! Будто бабий
Голос, будто бы не мой, жалкий, слезный.
Под рябиновой корой сок морозный
На закате я пила, не пьянела.
Ночью тихой к тебе шла, будто смела.
Только чудная тут, только пришлая...
По-иному нарекут, свяжут, высмеют.
По осоковым стеблям пустят пляскою.
Пусть по щиколоткам – срам! – цеплязгают.
Буду иволгою рвать в небо дальше
Кликать, кликать, дружек звать, падать камнем.
Топи, топи не мои! Горьки ягоды!
Забери же, уведи, коли надобна...

Осень 2014

***

Я там же и та же, но стала на двадцать ста..льной.
На двадцать задиристей. Также всплывает сквозь сон
Май с привкусом дыма, со звоном ночных бакалей,
Оборванным свистом под ног торопливый чарльстон.
На двадцать уверенней. Каюсь, на двадцать скучней.
Зависимей, вспылчивей, может чуть-чуть осторожней.
За теми же стенами влажных седых кирпичей
Пропыленный воздух вдыхаю горячею кожей.
Я та же и там же. Я так же всплываю из сна,
Забыв, как дышать, и почувствовав в ошеломлении,
Что мне лишь семнадцать, что город не спит и весна
Настойчиво тащит меня за собой в продолжение.
Я там же и та же, но только на двадцать мудрей.
Я – папина дочка, но только на двадцать послушней.
Я там же. И так же мерцающий свет фонарей
Мне жгучею лавой втекает в раскрытую душу.

Пасха. Питер. 2014

БЕЗ ПРАВА АМНИСТИИ

Вкакую-то эру, став другом, что топит в беде,
Я сделаюсь, верно, свободней, когда наконец
Черешневой косточкой выплону правду тебе,
Сквозь вечную дымку твоих сигаретных колец.
Пробив оборону созревшею фразой, поддых,
Сломив пополами лишая желанья вдохнуть,
С пергаментным шорохом крылья за спину сложив,
Дождусь, чем ответишь, когда просветлеешь чуть-чуть.
Как в пропасть с разбега, зажмурив от страха глаза,
Осмелюсь и крикну, рискуя совсем утопить,
Вторгаясь в твой морок, сметая табличку «нельзя»,
От том, кто ты есть. Вновь безжалостно держа нить
Издерганной памяти, словно стирая внутри
Счастлирое детство в соленых, сосновых краях –
Как будто и не было названной младшей сестры,
И не было старшей – осмелюсь и сделаю взмах.
Вкакую-то эру, когда я устану смотреть,
Как ты растворяешься, тянешься к самому дну,
Не дрогнет рука, опустив запоздалую плеть,
Ударит наотмашь, меня оставляя одну...
Без права амнистии.

*Июль 2014,
г. Ювясколя*

Михаил Окунь

Поэт, прозаик, журналист, автор нескольких поэтических сборников, в числе которых «Чужеродное дерево» (2007), «Средь химер» (2011) и другие; постоянный автор журнала LiterarU.S.

* * *

Ты не спишь. Верхушки черных елей
За окном немотствуют вночи.
Вот уже которую неделю
Сердце с перебоями стучит.

Это осень забирает в клещи...
И сегодня видел поутру:
Волглый лист безропотно трепещет,
Втянутый в предсмертную игру.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР В БЕРЛИНЕ

Читал стихи один пиит.
Его полубиблейский вид
Был смешноват случайной гостье.

Эх, пожилые соловьи!..
(Мы с ней сидели визави,
Потупившись, как на погосте.)

Не убоившись аонид,
Признаюсь, что меня тошнит
От пиитического слова.

Ну что за блажь на сиюне лет?! –
Тому Орфей, сему Гамлет,
Там Дон Гуан, сям Казанова...

Искусник наконец умолк.
От встречи с гостьей был бы толк
Для кавалера де Сенгальта.

А мне пора, ауф-видерзейн!
...Подался б лучше я в музей,
Где тонны вавилонской смальты.

ОБЩЕПИТ

Раздатчицу с именем Ира
забуду ли я, черт возьми?!
Хрущевским бесплатным гарниром,
как в детстве, меня накорми!

А Марьи Ивановны зразы? –
их ели б и наши вожди!
(Читатель, ждешь рифму «заразы»? –
так нет же, любезный, не жди!)

А «недовложения», сумки
с продуктами, правила СЭС?..
Да где ж теперь те недоумки
из – как там? – обэхаэсэс...

Пусть временем тема закрыта
и в бозе почил общепит –
погасшей звезды общепита
в ночи моей лучик горит!

* * *

«Офицерская линейка»,
Треугольник-транспортир...
Это вовсе не ремейки,
Это мой ушедший мир.

Циркуль, авторучка мамы,
Кнопки в глубине стола...
Вот, любовь к святому хламу,
До чего ты довела!

Всё – в мешок и на помойку,
И о прошлом ни гу-гу.
Жить стремительно и бойко!
...Но, конечно, не смогу.

Ален, Германия

Мария Ватутина

Член Союза писателей России, лауреат многих литературных премий, в частности Международной Волошинской премии 2011 г., Бунинской премии 2012 г.

***

Осень же тяжела, как чемодан с кирпичами.
Давеча ставила опыт над москвичами:
Кто в каком колене – видно ведь по лицу.
Коренные еще встречаются. Дождь в октябре подобен свинцу,
Как бы сказал мужчина-поэт – «картечи».
Кирпичи относят к мечтам о доме, то есть костлявой речи,
Языку без костей, сложенным стопкам книг
И настольной лампочке в доме, который себе воздвиг.
Обрастает всё вещами, сколько ни очищайся.
Замерзает постель с клещами, сколько в ней не вращайся,
За занавеской под одеялом сын сухарем хрустит.
У кого чего болит, тот на то и детей растит.
Ощущенья осени – словно ты в дороге, темно и вьюжно, –
А тебе никуда не нужно.

1.
Береги меня, береги
От мостков у ночной реки,
От русалочьей злой тоски,
От надломленной от доски.
Дальше, в темень, наискосок
Удаляется огонек.
Оглянись: там, где стык дорог,
Я осталась – не чую ног.
В этот чуждый дегтярный мрак
Я войти не могу никак.
Кто-то дышит отсюда так,
Что не в силах сделать шаг.
Спят баркасы и барсуки,
Спят лабазы и рыбаки.
Я домой поверну, домой,
По настилу над вечной мглой.
Буду просто и ясно жить,
На веревках белье сушить
Да по банкам стрелять в лесу,
Чтобы ухало на мысу.
Буду светлую благодать
В подпол на зиму закрывать.
Мне в житейских делах никак
Мировой не поможет мрак.

2.
Скороспелый ледок на речке,
Занесенный метелью плёс.
Надо мной не держали свечки,
Кто по свечке потом принес.
Ну, и я не хвастлива, дескать,
Самой высшей ценой жила.
Что мне с выжженным сердцем делать,
Что имела – все отдала.
А тому, как спасала эту,
Наводненную жизнью галь –
У меня свидетелей нету,
Я не знаю, как доказать.

Москва

18 – 19 марта 2015 года

ежегодный
научно-практический семинар журнала LiteraruS
при участии Института мировой культуры
Хельсинкского университета

**«Народное искусство
и литература»**

18.03.2015. Доклады

10.00 – 12.00

Адрес: *Unioninkatu 38 B, 107*

14.00 – 16.00

Адрес: *Unioninkatu 38 A, 205*

16.15 – «Русский кружок»: круглый стол писателей, презентация книг

Адрес: *Unioninkatu 38 A, 109*

19.03.2015. Культурная программа

Добро пожаловать!

Премия «LiteraruS-2015»

Учитывая читательское мнение, премией награждаются

Хамдам Закиров

за цикл стихотворений, опубликованных в №2/2014

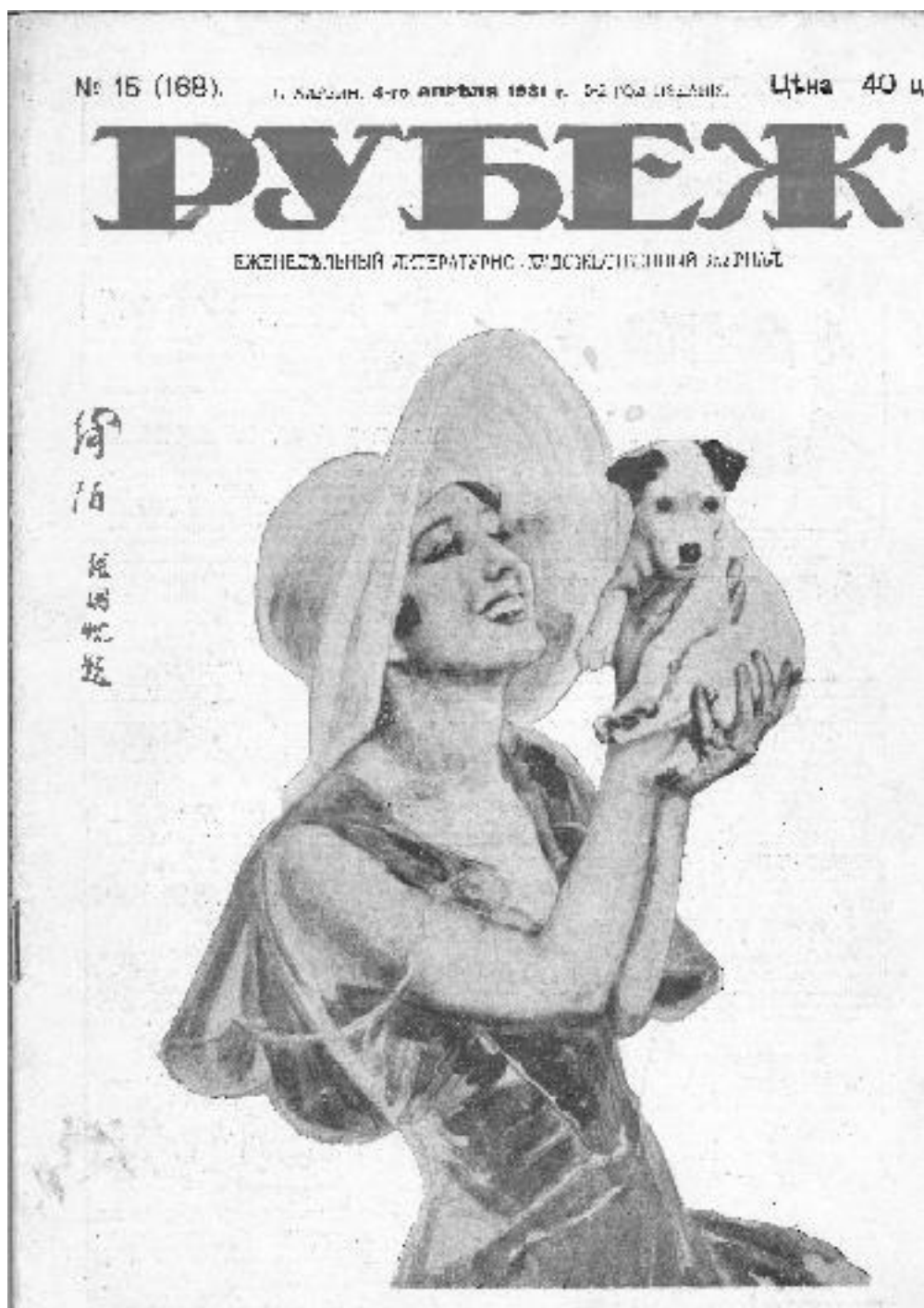
Татьяна Розина

за цикл рассказов, опубликованных в №1/2013

**Следите за объявлениями
на нашем сайте:**

www.literarus.org

Русский Харбин: журнал «Рубеж»

Куприн в гостях у Ленина.

Знаменитый писатель—любимец парижан.—Карьера Ксении Куприной.—Без гроша и... без родины.

От парижского корреспондента «Рубежа».

Александр Иванович Куприн, великий русский писатель, родился в 1875 году в городе Печоры, близ города Итара, в Кавказском крае. Его отец был офицером, а мать — вдовой. Куприн рано начал писать, и его произведения были известны в России и за границей.

Куприн был талантливым писателем, который писал в различных жанрах: рассказы, повести, романы. Его произведения были популярны среди читателей.

Портрет писателя А. И. Куприна.

Куприн, в последние годы жизни, жил в Париже. Он был известен своим талантом и любовью к своему делу.

В Париже Куприн был очень популярен. Его произведения были переведены на французский язык. Он часто встречался с известными людьми.

Куприн был человеком с широким кругом интересов. Он любил читать, путешествовать и заниматься спортом.

Куприн был человеком с сильным характером. Он не боялся трудностей и всегда шел вперед.

Куприн был человеком, который любил свою родину. Он всегда вспоминал о своей семье и о своем доме.

А. И. Куприн с семьей в Париже.

Куприн был человеком, который любил свою семью. Он всегда был рядом с ней и заботился о них.

Страница из № 36 (189) 1931 г. со статьей о А.И. Куприне, жившем в то время в Париже. Статья подписана: От парижского корреспондента «Рубежа».

Из Википедии:
«Рубеж» — еженедельный литературно-художественный журнал, издававшийся в Харбине. Орган русской эмиграции на Дальнем Востоке. Первый номер датирован 20 августа 1926, последний — 10 августа 1945. Всего вышло 862 номера.

Проф. Тимо Вихавайнен. «Рубеж» — взгляд из заграничной России:

«Журнал «Рубеж» рисует интересную панораму жизни заграничной России. В Харбине, где он издавался, в не таком уж маленьком китайском городе, в начале 20 века проживали десятки тысяч россиян — сотрудников Китайско-Восточной железной дороги. После революции они продолжали

жить, как и раньше, до прихода туда большевиков.

С точки зрения большевиков, эти люди представляли собой, конечно, опасный элемент, и в 1937 году НКВД совершил особую акцию над «харбинцами» — она коснулась, естественно, только тех, кто вернулся на родину.

В Харбине процветала, конечно, эмигрантская политическая жизнь, в том числе возникшее там довольно сильное движение русских фашистов. Но журнал «Рубеж» был, судя по всему, довольно аполитичен. Правда, в 1931 году там, иногда и лишь мимоходом, отмечалось, что произошло в России под властью большевиков первая пятилетка имела, как говорилось в

СССР, огромные успехи; в то же время там распространяли истерию об интервенции, которую якобы готовились совершить западные державы... «Рубеж» рассказывал, например, что вся Россия «под ружьём», включая женщин и детей-пионеров, а Храм Христа Спасителя в Москве взорвали, чтобы на его месте построить новый Дворец Советов.

Но вообще политика не входила в сферу интересов журнала. Судороги коллективизации, показательный суд над «диверсантами», «заговорами» и другими якобы тайными организациями, по-видимому, не особенно интересовали «Рубеж», который больше занимался вопросами моды и историями замечательных людей.

Из новостей Советской России «Рубеж» публиковал главным образом анекдоты, которые отражали другую жизнь, более суровую и серую. Позиционировавшийся как «Литературно-художественный», журнал был, на самом деле, похож на «магазин», где любопытство и сенсация были куда более важными, чем собственно литературные или художественные критерии. Обильная реклама говорила о том, что в той, «другой России», у харбинцев было слишком много материального: что купить и о чем мечтать, даже в условиях всемирной депрессии».

Сегодня далеко не каждая библиотека мирового уровня имеет в своих фондах выпуски журнала «Рубеж». Редакции журнала «LiteraruS» посчастливилось получить на время некоторые экземпляры этого раритетного издания за 1931–1932 годы от **Пулму Маннинен**, много лет проработавшей в Обществе Дружбы «Финляндия-Россия» (Suomi-Venäjä Seura). Однажды, проходя мимо

букинистического магазина «Пюкстаави», который находится в районе Каллио в Хельсинки, Пулму заметила объявление, что магазин вскоре закрывается насовсеми распродает оставшиеся книги по выгодной цене. Она зашла и погрузилась в поиск. Вдруг среди названий книг с потертыми обложками, которые горой лежали на прилавке, мелькнула кириллица. «А ну-ка, что это? Вполне может оказаться чем-то интересным», – подумала Пулму и вытащила пачку журналов – по всей видимости, здесь они пролежали не один десяток лет. Перелистав пожелтевшие страницы, она сказала: «Замечательная находка для библиотеки Славика. Имнно туда я и передам их». Матти Кеттунен, владеец магазина, искренне обрадовался, что журналы, ценность которых он понимал, обретут новый дом: «Как приятно сознавать, что мой магазин оказался полезен такой замечательной библиотеке».

Из книги Г.В. Мелихова «Белый Харбин»

(изд. **Русский Путь, Москва-2003**):

«В Харбине жили далеко не одни русские, а выходцы из многих других народов, населявших и населяющих сегодня великую Россию. Но многонациональный Харбин потому и называют «русским», что объединяющим все национальности и национальные культуры были здесь русский язык и русская культура».
(стр.5)

Культурная жизнь Харбина, по воспоминаниям Мелихова, была яркой, насыщенной, интересной: школы и гимназии, библиотеки, театр, концерты, литературные вечера, популярные лекции, кружки по

интересам, танцевальные студии, развивавшееся книжное дело, журналы и газеты, не говоря уже о том, что праздновались дни русской культуры, – вот что характеризовало русскую колонию, в которой, как пишет Мелихов, был чрезвычайно высокий уровень концентрации слоя высшей и средней интеллигенции.

«1920–1931 гг. были периодом расцвета русской периодики в Харбине, когда появилось такое количество газет и журналов, что очень редко бывает в истории всемирной журналистики, хотя многие из них так быстро исчезали, как возникали». (Diao Shaohua. Краткий обзор истории русской печати в Харбине. http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_2001_num_73_2_6723)

В Харбине издавались литературные и общественно-литературные журналы: «Окно», «Архитектура и жизнь», «Даль», «Китеж», «Сунгарские вечера», литературный, научный и политический ежемесячник «Русское обозрение» и многие другие; выходила газета «Рупор», в которой были литературные страницы. Но долго эти издания, как отмечается в исследованиях периодики русского зарубежья, не удерживались. Так, например, литературно-художественный журнал «Фиал» вышел только один раз: в октябре 1921, а журнал «Китеж» – только в мае 1922. Потому, по воспоминаниям бывших жителей Харбина, всеобщее признание получил самый долговечный литературно-художественный иллюстрированный журнал «Рубеж».

Журнал «Рубеж» играл важную роль в становлении и развитии зарубежной эмигрантской литературы. В Википедии отмечается, что он имел собственных корреспондентов в Европе, Америке и Австралии. На его

страницах печатались известные писатели и поэты, хроника политической и культурной жизни в мире и на Дальнем Востоке. Наполняли журнал стихи, повести и рассказы русских и иностранных авторов, популярные очерки, фельетоны, юмор, местная хроника, карикатуры, библиографический раздел знакомил читателей с книжными новинками. Вот, например, №29 1931 года дает краткий обзор нового номера издающегося в Париже журнала «Современные записки»: «Строго академический стиль журнала выдержан вполне и в этой чрезвычайно содержательной книге. В третьей части «Бегства» Алданова есть изумительные страницы! Равным образом захватывает читателя продолжение романа Сирина «Подвиг». Сирин заметно преодолевает влияние Пруста и пишет сочно, красочно и правдиво...»

Обложка отражала всё злободневное и сенсационное: печатались портреты кинозвезд, музыкантов, приехавших на гастроли в Харбин артистов, праздничные рисунки. В разделе «Зеркало мира» отражались последние мировые события. Интересной была страничка для женщин: здесь помещались рисунки последних моделей одежды больших европейских домов, фотографии модных причесок, косметические и кулинарные советы, выкройки, портреты «Мисс иностранная колония».

Журнал «Рубеж» был по-настоящему журналом для всех – каждый, вне зависимости от образования и социального статуса, мог найти что-то полезное и интересное – от серьезных статей на исторические темы до кроссвордов и предлагаемых аптеками лекарственных средств.

Вот, например, №23 (176), вышедший

Страница с объявлением
о конкурсе красоты.

30 мая 1931 года, 5-й год издания.

В номере 24 страницы.

На первой полосе – стихотворение Алексея Ачаира «Мужчина» (*– Жизнь – не праздник для разведенья ягод! / Тепличный свет – не для людей борьбы!..*) и рассказ П. Михайловича «Водяной черт».

Затем следуют статья о гипнозе – краткая история и лечение; статья, посвященная десятилетию театра Якова Южного «Синяя птица», который дал четыре тысячи спектаклей русского театра за границей; на развороте журнал знакомит с созданным в Харбине Политехникумом – единственным за рубежом высшим техническим учебным заведением, где преподавание ведется на русском языке.

А вот страницы специально для женщин – оценка мужчин, данная кинозвездой Эвелин Брент: *«Если женщина хорошо знает только одного мужчину, – она знает их всех. Во все не нужно изучать многих мужчин, чтобы хорошо их узнать: мужчины много прощают нас, женщин. А главное, – они много прямой и честнее нас в вопросах любви».*

И, конечно, для читательниц – мода весны.

А «Уголок хозяйки» посвящен шляпкам: *«Часто женщина в самом простеньком платье производит впечатление шикарно одетой, когда ее голову украшает элегантная шляпа, и, наоборот, – самый шикарный туалет много теряет, когда на голове сидит какая-то неизящная, помятая».*

«покрышка».

Есть даже страничка «Советский юмор». Здесь карикатуры на коммунальный быт, стихи, анекдоты. Вот, например, такой анекдот:

«Председатель тульчинского отделения облплана выехал на сельскую работу на роскошном «Бенце» и, желая показать простодушным сельчанам шик, развил такую скорость, что раздавил по дороге шесть колхозных поросят и переломил двум коровам ноги.

Представляем себе нынешние нравы шоферов в районе. Вот, скажем, будничный разговор:

– Большую скорость развивает эта машина?

– Три коровы и пять собак в час».

Есть также краткие новости на самые разные темы: «Вблизи Пекина имеется построенный свыше тысячи лет назад дворец китайских императоров...», «Недавно в Нью-Йорке состоялись большие маневры воздушного военного флота...», «Дуглас Фербенк – один из признанных королей экрана – побывав в Китае, не преминул заглянуть в Пекин...», «Недавно с триумфом прошел в Шанхае концерт ученицы знаменитого Кортто – Э. Лерман, лишь недавно вернувшейся из Д. Востока из Парижа...» и другие.

Особое внимание привлекают страницы рекламы, которой начинается каждый номер. Реклама ресторанов и

шашлычных, гастрономов, студий модных танцев, групп по изучению иностранных языков, ремесленных учебных заведений, напитков – от минеральной воды до вин и водки, – грамофонных пластинок, лекарств, косметических кабинетов, фотографических ателье, салонов модных причесок, трикотажных изделий, обуви, мыла, сундуков, – всё это говорит о богатой деловой и коммерческой жизни в Харбине. В журнале печатались статьи, актуальность которых не устарела. Так, например, в №4/1932 помещена статья «Край, где царят шаманы» с подзаголовком: «Вымирают первые обитатели Сибири – тунгузы». «Считают, что тунгузы – самые древние обитатели Сибири, населявшие прежде большую часть этой огромной страны. Но и остатки этого народа в полной мере неприкосновенности сохранили все своеобразные свои особенности, привлекающие особый интерес этнографов». Статья иллюстрирована фотографиями, дающими представление о типах людей и образе их жизни.

Обращает на себя внимание и информация о подписке на «детский журнал для детей до десятилетнего возраста «ЛАСТОЧКА», в котором объявлен «конкурс прелестного ребенка» и предложение для маленьких читателей присылать свои фотографии.

Найденные у букиниста номера переданы в Славянскую библиотеку Хельсинкского университета. Раньше в фондах библиотеки имелись №№ 15 и 16 за 1931 г. Теперь читатели смогут познакомиться также с №№ 13, 23, 29, 36, 48, 50 за 1931 г. и № 4/1932.

Адрес библиотеки: Унионикату 36

Часы работы

сентябрь-май: пн-пт 9.00-20.00; сб. до 16.00

июль-август: 9.00-18.00; сб. до 16.00

Добро пожаловать!

Город Хельсинки

Знаете ли вы Хельсинки?

Всё для тебя, Александрин!

Музыкальное наследие Александрин Армфельт

Так называется концерт, который состоится 27 марта 2015 года в хельсинкском Доме музыки, в зале Пааво в 19.00.

Александра Владимировна Армфельт-Железнова (1870–1933) – одна из первых русских женщин-композиторов, прекрасный пианист, по происхождению графиня, внучка известного финляндского сановника, статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Г. Армфельта. Училась у Антона Рубинштейна, первое музыкальное произведение – фортепианный этюд – опубликовала в 1893 году. В 1895 г. она вышла замуж за генерала Владимира Железнова, проходившего службу на Урале, и вместе с ним собрала и опубликовала сборник песен уральских казаков. В дальнейшем Армфельт-Железнова публиковала романсы, фортепианные и другие камерные сочинения.

Среди песен, записанных Александрин Армфельт-Железновой, – известная на весь мир русская народная композиция «Ой, то не вечер, то не вечер...».

Кроме музыки Александрин Армфельт-Железновой в концерте прозвучат мелодии ее ближайших друзей и коллег. В программе музыкальные композиции Антона Рубинштейна, Милия Балакирева, Николая Римского-Корсакова.

Концерт представят Александра Хухтала-Лабзунов, сопрано, и аккомпаниатор – Татьяна Вайнштейн.

Организатор концерта – агентство Capital Media при поддержке SET Group.
Билеты можно приобрести в кассе Дома Музыки. Цена билета 22,50 евро.

Алиса Денисова

Алиса Денисова

Алиса Денисова родилась в 1996 году в Великом Новгороде, окончила с золотой медалью гимназию. В настоящее время учится на факультете журналистики Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Занималась в театральной студии при Дворце детского и юношеского творчества, была ведущей детской телепередачи «Комната сказок» на Новгородском областном телевидении. Стихи пишет с семи лет, с восьми лет начала участвовать в различных литературных конкурсах, дважды была победителем поэтического конкурса «Открытая дверь». В 2013 г. вышел ее первый сборник стихов «Немного о...»

МАЙ

Мой май уже уходит от меня:
В другие сказки и к другим Алисам.
Уходит,
Не ругая,
Не виня,
Не оставляя запах кипарисов.
Уходит,
Доверяя тишине сады,
Где мы с ним раньше вместе пели.
Он больше никогда не скажет мне
Отой любви, что открывает двери.
Он больше не сведёт меня с ума,
Не распахнет мне глаз на мир свой робкий...
Уходит май?
Я ухожу сама.
Незростающей веками тропкой.

ПОВЗРОСЛЕЛИ

Повзрослели. Пускай старикам смешно,
Оттого что юнцы говорят о себе такое.
Но ведь нам-то, юнцам, не дает этот факт покоя:
Повзрослели! Открыли своё вино!

И чего теперь? Что покорять сначала?
Чьим слезам предоставить своё плечо?
И кого целовать? И кого нам любить горячо?
И каким приходиться причалам?

Нет, не смейтесь над нами! Мы с вами не далеки.
Наши волосы русы, а ваши уже седые,
Но как часто внутри вас поют птенцы молодые,
И, увы, в наших душах нередко молчат старики...

МЫ

Мы, наверное, из тех,
 кому нервно курить в сторонке,
 дожидаясь трамвая
 на пустой остановке...
 Тех, кого, рассмотрев между прочим,
 чьи-то дикие взгляды
 сочтут «не очень»
 и отбросят в коробку «брак».
 Мы, ужалившись обществом
 (как бы ни так!),
 создадим для себя необузданный мир
 и уйдём с головою в него,
 отделившись от вечно-целого.
 Нам, скорее, привычна такая жизнь
 отстраненного наблюдателя
 и свободного созерцателя,
 у которого нет преград.
 Мы пока ещё молоды,
 верим в прекрасное
 и не миримся с мнением остальных.
 Мы отброшены обществом:
 одинаково-разные,
 одинаково-странные для других.

***

Разбросаю мысли по комнате:
 Под кровать закину печальные.
 – Вы меня полюбили, помните?..
 А я помню, и я в отчаянье;
 Что-то в горле застряло горькое –
 Тяжело проглотить прошлое.
 Я пытаюсь склеить осколки,
 Только в этом мало хорошего...

ИВА

Под свисающими ветвями ивы,
 В свитерах из разноцветных принтов,
 Мы сидели влюблены и красивы,
 Но не знали правильных слов.
 Говоря обо всём на свете,
 Не стеснялись своих фраз.
 Представляли, что наши дети
 Будут с нашим же цветом глаз.
 Мы смеялись, шутили, пели,
 Ива с нами тем же жила.
 А потом холода, метели,
 А за ними дела, дела...
 В старом парке на тихой аллее
 Наша ива, ветвями шумя,
 Ветру шепчет: «Они повзрослели
 И, наверное, забыли меня».

БАБОЧКА

Я готовлюсь..
 Однажды мы все покидаем коконы.
 Задыхаюсь –
 В моем больше места нет.
 Разрываю его, открываю окна.
 Вижу свет!
 Я лечу:
 Это всем предначертано.
 Силы в крыльях, внутри меня.
 Я когда-то на жизнь сетовала.
 Извини меня, Жизнь, зря.

***

Ах, кскольким публикам я выходила!
Я вэтом плане, признаться, шлюха!
Пока священник трясёт кадилом,
Я исцеляю своим духом.
Мой голос нежный, слегка детский,
На крик срываясь, летит в уши.
Мои слова, как в церквях фрески,
Святымисточником станут в душах.
И пусть толпа завопит: «Распните!»,
Пусть руки Понтий омоет новый,
Я не предаю своего наития
И буду людям нести слово.

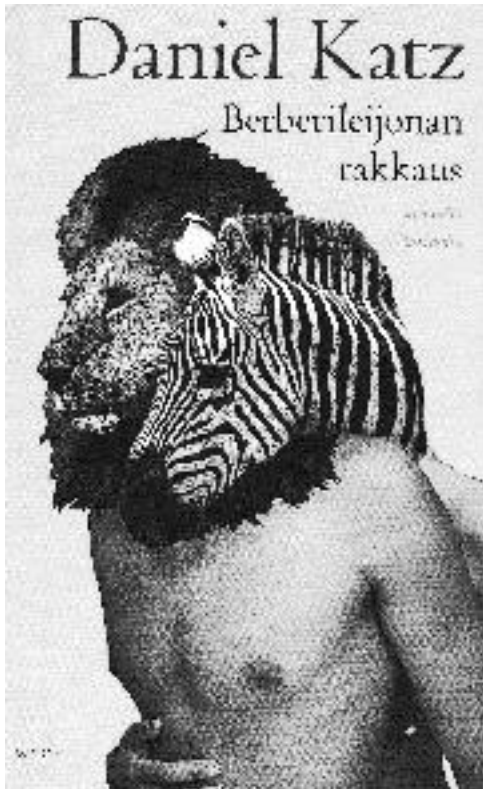
ПЕТЕРБУРГ

Новый город целует мне пальцы, щекочет дыханьем,
Шепчет на ухо ночью десятки немыслимых слов.
Этот город рождает во мне миллионы желаний,
Но не дарит мне муз, не приносит мне новых стихов.

Его темный асфальт покрывают тоскливые лужи,
В его сердце гуляют сто тысяч холодных ветров.
И ты в нем не один, но как будто другими не нужен,
Словно здесь и не ждали твоих запоздалых стихов.

И не ждали тебя, и не знали, что ты существуешь.
Второпях проходя, не подняли тяжелых голов.
Новый город, зачем, ну зачем ты мне пальцы целуешь?
Разбуди во мне сотни еще нерожденных стихов.

Студия

Даниэль Кац

Современный финский писатель и драматург Даниэль Кац (Daniel Katz) родился в 1938 году в Хельсинки. Предки писателя были выходцами из Полоцка. Приобрел известность после выхода в 1969 году первого романа «Как дедушка пришел на лыжах в Финляндию». («Kun isoisä Suomeen hiihti»). В русском переводе: «Как мой прадедушка на лыжах прибежал в Финляндию»). В 1977 и 2009 годах Даниэлю Кацу присуждена литературная премия Финляндии. Автор многочисленных романов, рассказов, пьес, сценариев. Многие произведения Каца переведены, в частности, на немецкий, шведский, эстонский, русский, венгерский и чешский языки.

Полегчало

Муж с женой в очередной раз завтракали, оба сидели за столом полуодетые, в домашних тапочках. Голова жены была туго повязана платком сирийского шелка, из-под него торчали уши и было еще заметнее, что они оттопырены. Пятнадцать лет назад муж считал, что они милые. Жена читала утреннюю газету, мужу казалось, что она это делала слишком внимательно. Муж срезал ножом конец вареного яйца.

Крутое! сказал муж, положил нож на стол, подошел к окну и стал смотреть на улицу. Жена, не поднимая головы, перевернула страницу. В колонке «Пятьдесят лет назад» писали о дирижере Мауро Вителлони, он на концерте под открытым небом в Вероне дирижировал симфонической скитой Отторино Респиги «Пинии Рима» и, додирижировав до счастливого конца, как того требовали приличия, повернулся, чтобы поклониться.

нитья устроившим овацию зрителям, и тут вдруг увидел в зале бывшего начальника фашистской жандармерии, который на третий год войны арестовал и приказал казнить его отца. Вителлони прямо с дирижерского возвышения ринулся на него и палочкой выколол ему левый глаз. Позже выяснилось, что тот не был бывшим жандармом, а наоборот, во время войны был интернирован на остров Стромболи по обвинению в подстрекательстве против войны. После освобождения он выучился на инженера слабых токов. Он страстно увлекался музыкой, был музыкантом-любителем, изнакомые прозвали его тромбончино, хотя играл он на фаготе. Дирижеру Вителлони в суде было предъявлено обвинение в нападении, избиении и нанесении телесных повреждений, несмотря на то, что фаготист-любитель благородно пытался все уладить и даже не просил компенсации, утверждая, что он прекрасно обойдется и одним глазом, и что, к тому же, его левый глаз и так уже видел намного хуже правого, и, по словам окулиста, зрение становилось все слабее.

Жена усмехнулась этой истории и стала пересказывать ее своими словами мужу, но увидев перед окном его мрачную спину, облизала губы и закрыла рот.

Ну это, конечно, мелочь, сказал муж, а мелочный, придираюсь, но неужели, черт побери, так уж сложно варить яйцо четыре с половиной минуты, а не шесть. Не шесть минут, и не три и еще сколько-нибудь минут, а ровно четыре с половиной.

Есть же у нас, господи боже мой, таймер для варки яиц. И для чего, спрашивается, я его купил? Да именно потому, что редкие, скромные наслаждения по утрам – это съесть яйцо, состав или консистенция которого не мягкая и не твердая, а нечто между этим, чтобы белок затвердел, ну а желток был явно

жиже белка. Муж замолчали уставился на дорогу.

Дирижер Вителлони за нанесение увечий был осужден к выплате крупной компенсации, но вследствие многих смягчающих обстоятельств ему дали лишь год условно.

Обожающий музыку инженер при объявлении приговора заплакал и сказал, что прощает Вителлони. Его семья при фашистской диктатуре тоже подверглась жестоким преследованиям. Заслуги маэстро Вителлони как толкователя современной итальянской оркестровой музыки, по мнению инженера, явно говорят о том, что, несмотря на вполне понятную манию преследования...

Муж невесело, в нос, усмехнулся. Я даже купил сверхточные электронные настенные часы, а дети по-прежнему на автобус так и не успевают. Вон стоят на остановке с дурацким видом, как будто это в первый раз, как же это так получилось, неужели они не понимают, что у автобуса свое точное расписание, к которому они должны приспосабливаться? Именно в таком порядке. А не наоборот. Как же это они могут быть такими дуболомами, мои дети? И как это они могут быть моими детьми? Это не мои дети. Если они воображают, что я буду возить их в школу, то сильно ошибаются. Никогда в жизни.

Муж отошел от окна, снова сел, потыкал яйцо.

Казалось бы, нет ничего проще, чем сварить яйцо в мешочек, в полусмятку, оно так прекрасно вписывается в нашу жизнь – яйцо в полусмятку, полутвердое, полужидкое, в нашу семейную жизнь, особенно в нашу любовь, сказал муж. Ты не можешь утверждать, что она не такая. Полутвердая, половинчатая, полу... Полу-женская, полу-мужская. Это не обвинение и даже не самообвинение. Просто это реальность. Так уж получи-

лось. И ничего необыкновенного в этом нет. Все это до одури обычно. Во многих браках так и бывает. Может, даже во всех, только со стороны не видно. Да и как это может быть видно, нечто, чего нет, такое, чего недостает. Я имею ввиду настоящую любовь, привязанность, солидарность и... и все, что у нас когда-то было. Просто покоряешься и поддерживаешь внешний вид, а изнутри все прогнило.

Муж швырнул яйцо в подставку для яиц, она упала на пол, муж не стал ее поднимать, лайка вместе со скорлупой съела разбитое яйцо, облизнулась и с мольбой уставилась на мужчину. Тот пружиной вскочил со стула, лайка приняла это на свой счет и шмыгнула под кухонный стол, но муж подошел к стойке, наощупь нашел в корзине машинку для скручивания сигарет, табак, бумагу и начал, облокотившись на стойку, скручивать сигарету.

Но этому не обязательно поддаваться, продолжал муж. Необязательно утопать в скуке. Из этой ямы можно выбраться, даже если придется тащить самого себя за косу, как барону Мюнхгаузену на войне с турками. Ты, видимо, этим состоянием тупости и скуки вполне удовлетворена, потому что не хочешь об этом говорить. И никогда не хотела. Такое застойное состояние тебя вполне устраивает, потому что ты боишься перемен. Ты управляешь этим своим маленьким царством как просвещенный монарх, как какая-нибудь королева Виктория. Ты поддерживаешь эту мнимую идиллию и плевать тебе на то, что она душит все, душит меня, и тебя выхолащивает, но ты этого не замечаешь.

Свернуть папироску мужу не удалось, табак высыпался из раскрутившейся папиросной бумажки, он отшвырнул машинку и сел.

Я ночью над этим думал, не мог уснуть,

потому что ты скрипела зубами. Думал над нашей жизнью. О прошедших годах и о будущих. И принял решение. Ты хоть раз послушай, это и тебя касается! Жена положила газету, собрала грязную посуду, отнесла в раковину. Потом осталась стоять, неподвижно, вся внимание, спиной к мужу.

Я только хочу тебе объяснить, что меня это не устраивает, сказал муж. Я считаю, что жизнь дается только один раз, ровно один раз, оставшаяся часть жизни составляет примерно треть, и я не собираюсь бездарно ее тратить и чахнуть дома. Ухожу. Оставляю тебе дом, движимое имущество и машину. И детей. То, что мне надо, поместится в один чемодан. Поеду куда-нибудь, куда уютно, начну новую жизнь. Новую? Нет, я начну по-настоящему жить, в первый раз после того, как стал взрослым. А эту смертельную идиллию я оставляю тебе, в полной уверенности, что ты прекрасно справишься и без меня, даже еще лучше. Я тут не нужен. Это я заметил. Пойду своей дорогой, пока еще не знаю куда, но дорог хватит. Мир огромен. Уж я найду свое место. Может, еще кого-нибудь найду... кого-нибудь, кто меня будет ценить, но при этом не будет стремиться меня приковать, а позволит снова найти мою истинную сущность, которую я в какой-то момент утратил... Возможно, этот кто-то или она – хотя это уже утопия – мне даже в этом поможет. Когда это произойдет, я даю себе знать. А до тех пор – пока! Слышишь?

Слышу, сказала жена. Муж смотрел на ее спину и пытался прочесть ее мысли и чувства.

Это прощание, сказал муж.

Да, да. Пока, пока, сказала жена, не оборачиваясь.

Муж сделал два шага к двери, собака с надеждой вылезла из-под стола.

Муж сел на нижние ступени лестницы, ведущей на второй этаж, и стал копать

в груди ботинок под вешалкой. Собака истолковала это неверно: все снова в порядке, хозяин пойдет ее выгуливать. Она бросилась в переднюю и радостно стала крутиться у ног мужчины.

Даже собака глупа как пень, сказал муж. Собака поняла, что лучше не соваться, понуро пошла к жене, мордой коснулась ее ноги уколена.

Муж искал второй ботинок. Только идиотка собака знает, где он. Жена смотрела на таймер для варки яиц. Тоже в форме яйца. Она начала считать от одного до ста. Досчитав до пятидесяти, открыла крани стала мыть посуду.

Ничего не получается, сказал мужчина и стал смотреть на свою ногу без ботинка. Жена закрыла кран.

Кофе принести? спросила жена

Остался? спросил муж.

Остался, сказала жена. Сварить новое яйцо? На четыре с половиной минуты.

Если тебе не трудно, сказал муж.

Жена положила яйцо в маленькую кастрюлю, налила воды и поставила на плиту.

Когда вода закипела, она поставила таймер на три с половиной минуты.

Полегчало? спросила жена.

Полегчало, ответил муж.

И теперь ты пойдешь в свой кабинет и будешь работать? спросила жена.

Пойду, сказал мужчина.

Вот и ладно, сказала жена и налила себе кофе.

Бета

Когда сын инженера по информационным технологиям маленький Олави в конце декабря зашел по пути из школы в темное парадное, чтобы выкурить сигарету, которую он обменял на пастилки, он вдруг увидел живого, но ослабевшего бету, в позе зародыша, притулившегося под крыльцом у двери. Бета тихо ныл и кинул голодный взгляд на папироску Олави. Олави замер, с перепугу глотнул дыма и закашлялся. Уголки рта беты, края его почти беззубого рта, начали дергаться. Олави не знал, надо ли это расценивать как улыбку или как плач, но он тут же успокоился. Чтобы доказать свое бесстрашие, он выпустил через ноздри дым и, сам не зная почему, протянул сигарету бете. Бета жадно, глубоко, с наслаждением затянулся, потом закрыл глаза и вздохнул. Олави с любопытством его разглядывал, к любопытству примешивалось странное чувство, оно ощущалось как зуд в верхней части живота, и при этом сперло горло. В старые добрые времена это называлось сочувствием, но этого Олави знать не мог.

Когда бета выкурил всю сигарету, так что уже еле удерживал ее между пальцами, он ткнул себя пальцем в живот. Олави понял, что тот голоден. Он сбегал в соседний квартал в пекарню и купил на деньги, выданные ему на проезд, пирожок с мясом. Потом прибежал обратно в парадное, нашел бету забившимся еще глубже под лестницу и протянул ему пирожок. Бета разломил его надвое, проглотил со стоном, чавкая, одну половину, а вторую положил в карман. Потом тыльной стороной ладони вытер рот и посмотрел на Олави глазами без выражения.

В тот самый момент Олави принял смелое решение. Он поманил бету за

собой и пошел в сторону дома. Бета неуверенно, в нескольких шагах, шел за ним. Тьма сгущалась, густо падал снег, горожане спешили покупать подарки, и никто на Олави с бетой не обращал внимания. И так получилось, что бета оказался дома у Олави.

Олави спрятал бету в своей комнате. Мама ушла с маленькой Тиной за рождественскими покупками, папа еще не вернулся с работы, и бету удалось тайно провести на второй этаж. У овчарки случился истерический припадок, но бета привычно утихомирил ее, бросив ей в пасть половинку пирожка с мясом. Олави на кухне сделал несколько бутербродов и сварил с своему подопечному чашку какао. Потом он смотрел на бету, когда тот ел. Вообще-то бета ел также, как все, почти как альфа, хотя он был несомненно очень голоден, он почти не чавкал и не облизывал пальцы. Этим он очень удивил Олави, он стал размышлять над тем, можно ли бету научить есть с тарелки ножом и вилкой. Когда бета съел все до последней крошки, Олави отвел его в ванную комнату, включил душ, показал бете, что он должен снять потрепанную одежду и умыться. Бета нехотя повиновался. Олави собрал одежду и обувь беты и запихал все в пластиковый пакет. Потом он вышел из ванной комнаты и сел у окна. Бета хотел, чтобы ему вернули одежду, но Олави спрятал пакет в шкаф с игрушками. Он принес из отцовского шкафа костюм, нижнее белье, сорочку и любимые тапочки отца. Бета был не карлик, но заметно ниже отца, и Олави долго смеялся, увидев, как бета утонул в старом бархатном костюме отца.

Он услышал, как открылась наружная дверь, и спрятал бету под своей кроватью. Вернулась мама. Маленькая Тина ныла, возбужденно лаяла овчарка, будто хотела что-то рассказать.

После ужина Олави немного по-

смотрел по телевизору детскую передачу, потом широко зевнул и сказал, что пойдет спать, потому что хочет завтра, в Сочельник, быть бодрым. Это было странно, и мама заподозрила что-то неладное. Она прокралась на верхний этаж и застала бету врасплох, когда тот ел ложкой шоколадный пудинг Олави. Плачущего Олави и сглатывающего слюну бету с красными ушами препроводили на первый этаж, где рассерженный отец начал допрос.

– Мой бархатный костюм! Мои тапочки! – шипел отец.

– Он увязался за мной по пути, – хныкал Олави, – он бездомный, у него нет ни папы, ни мамы, и он был страшно голодный. Можно, он останется у нас?

– Ты с ума сошел? – заорал отец. – Это же бета! Он повернулся к матери и его жест красноречиво говорил «В чем мы допустили ошибку?»

– Но ведь сейчас Рождество и ... Рождество, – умолял Олави. – Ты же сам говорил, что на Рождество надо быть добрым ко всем...

– Не ко всем, а к близким, – поправила Мама.

– Это не относится к бетам, подчеркнул папа, – не в твоём случае, понимаешь, каждый должен быть добрым к своим, беты пускай будут добры друг к другу, если они на это способны, если они настолько соображают, иначе что бы из этого вышло, если бы все без разбору были бы ко всем... Хаос бы получился, беспорядок, понимаешь, сплошная сумятица и неразбериха... Нельзя бету держать в доме, если он по всем правилам не зарегистрирован, ты же большой мальчик, ты должен знать, что для этого нужно разрешение, а его можно получить только в том случае, если присутствие беты в доме необходимо.

– Но никто не знает, что он тут, никто нас не видел... Он же может сидеть под

столом, – попытался уговорить Олави.

– Под столом?! И Дедушка и Бабушка и тетя Лилли будут сидеть за этим столом, так что ли? – нежно сказала Мама.

– Если ему нельзя остаться, тогда и я не останусь, – вызывающе сказал Олави.

– Сочувствую, – сказал отец, – тогда и подарков тебе не будет. Ты этого хочешь?

Олави на мгновение задумался. Потом сообразил

– Может, он может быть чем-то полезен? – предложил он.

– Каким образом? Что он умеет?

– Дая не знаю. Может, у него спросим? – сказал Олави.

– Он хоть речь, интересно, понимает? – засомневался Папа, ему никогда в жизни не приходилось общаться напрямую с населением B-класса.

– Что – ты – умеешь – делать? – спросил Папа, четко артикулируя.

Бета кашлянули ответил странным, но понятным бормотанием, напоминавшим какой-то восточный диалект. Его речь была путаной и уклончивой, но ее можно было понять. Стало ясно, что бета относится к категории бета А2, а это значило, что он родился в этой стране, входил в коренное население, был белокожий, что он родился как бета и будет до самой смерти бетой.

– Что ты умеешь? – повторил отец

– Кхолоть дхрова, – ответил бета.

– У нас нет дров, – сказал Папа, – у нас отопление на мазуте.

– Стхричь тхраву, полхивать тхраву...

– Сейчас зима.

– Выполхняю снежные работы...

– Этот снег скоро растает.

– Схварихвать схудовую жхсть.

– Прекрасно, – иронично сказал отец.

– Я, к сожалению, не владею ни одной верфью.

– Убхираю и мою пхосуду, – сказал бета, со страхом поглядывая на дверь.

– Ну уж на кухню я его не пущу, –

вспыхнула Мама. – Они неаккуратный, наверное.

– Я знаю! – вскрикнул маленький Олави. – Он может быть Дедом Морозом! У него будет борода и шапка, и никто его не узнает... – Олави, покраснев, замолчал, понял, что проговорился. Родители посмотрели на него с осуждением.

– Ты больше не веришь в Деда Мороза? – спросила мама, и в глазах ее выступили слезы.

– Ты хоть во что-то еще веришь? – строго спросил Папа.

– Конечно, в принципе, – сказал Олави, – но нам надо дать ему возможность, Дед Мороз нас поймет...

Отец на мгновение задумался.

– Ничего не выйдет, он ведь не сумеет прочитать имена на подарках.

– Чхитать я уммею, чхитануть, – выдохнул бета.

– Что? Умеешь читать? – оторопело повторил отец. Выяснилось, что бета окончил несколько классов средней школы, до того, как по инициативе премьер-министра никчемное школьное обучение никчемной части населения было прекращено.

– Прочитай, – сказал Папа и протянул бете газету.

– «Пхриди Рхождество мхилое, пхриди вхечное, пхриди тхратя», – торжественно прочитал бета.

– Довольно, сказал Папа, – может, они справится. Но после Рождества он отсюда вылетит к чертям собачьим.

Олави радостно захлопал в ладоши, его радостью заразилась и Мама. Мама поцеловала Олави в щеку.

– Я должен позвонить Биргеру... Деду Морозу и отменить, – сказал папа, но сразу об этом забыл.

Бете разрешено было переночевать в пустой кладовке на чердаке, туда поставили переносной электрообогреватель. Зима была не очень холодная. Олави

принес ему маленькую елочку и украсил ее. Бета лежал в старом спальном мешке и смотрел на елку, и его выражение лица показалось Олави странным.

Всочельник пришли Дедушка, Бабушка и тетя Лилли. Обычная кутерьма с игрушками в этот раз прошла спокойнее, потому что Олави был на чердаке.

Во время рождественского обеда Олави был напряжен и рассеян, но в этом не было ничего удивительного, гости решили, что он просто волнуется. Мама разрешила ему отнести на чердак в тарелке порцию жареного окорока, вяленую треску и запеканку из брюквы, чему бабушки удивились.

– Да он решил в полночь покормить гномов, – сказала Мама и подмигнула Папе.

После еды все собрались вокруг пианино, дедушка на слух наигрывал рождественские песенки, а дамы пели. Папа и Олави улизнули в чердачную каморку и нарядили бету в Деда Мороза. Ему надели шикарную бороду, нос, красную шапку с белой опушкой, сапоги и огромное красное пальто, которое доходило ему до щиколоток. Олави повязал на пояс бете шарф и потом, радостно хихикая, стал любоваться результатом своей работы.

Мешок с подарками был страшно тяжелый, но бета-мороз был на удивление сильным, он одним махом закинул мешок за плечо. Его тайно провели на первый этаж и через кухню во двор. Он должен был обойти дом и позвонить в дверь.

– Лишь бы не смылся со всеми подарками, – озабоченно сказал отец.

Но бета позвонил в дверь, как ему было велено, и когда Папа открыл дверь, он проблеял ржавым голосом:

– Ехсть ли тхуг хоть одхин хорроший рхебенок?

Вопрос очень развеселил гостей.

– Да мы все большие дети, – сказал

отцовский папаша, – но насколько хорошие, это знает лишь бабушка, – и бросил на мамину мамашу умильный взгляд.

«О Господи, – подумала мама, – неужели у них роман? Быть того не может!»

Бета вытаскивал свертки из мешка, по складам читал имена, держал сверток неопределенно прямо перед собой, и счастливый получатель его хватал из его рук. Олави был ужасно горд, он еле удерживался, чтобы не рассказать, что Дед Мороз на самом деле бета!

Когда только что научившаяся ходить маленькая Тина неуверенными шагами подошла за своим подарком, в бете что-то явно изменилось. Он был переполнен чувств. Когда девочка выхватила из его рук подарок и сделала книксен, так что попка с подгузником почти коснулась пола, бету затрясло, он стал лепетать что-то непонятное, потом замолчал и, к удивлению присутствующих, заплакал. Дедушка в смятении протянул бете рюмку, потому что отнес это на счет обычных пьяных сантиментов. Но бета замотал головой и еще горше заплакал. Мама тоже стала всхлипывать, плач обычно передается, у бабушки в глазах выступили слезы, и Олави тоже сплывал слюну. Папа не выдержал, прошипел бете:

– Да перестань ты, черт побери! – И стал подталкивать бедного бету к двери. Бета мотал головой, как раненая антилопа, бормотал и что-то хрипло шептал, но это слышал только Олави: – А Ммайллау... мое дхите... ойой ... ммайллоу...

– Иди во двор, успокойся, – шипел Папа, Олави висел на руке у беты и, всхлипывая, говорил отцу:

– Он соскучился. Это его дети. Он по ним скучает...

Тут бета вырвался, сорвал бороду и шапку и из его искривленного рта вылетел печальный стон. Бета рванулся к двери и исчез в белой тьме. Олави по-

бежал за ним и видел, как низкая фигура исчезла, слилась с усиливающимся снегопадом.

– У него разве есть дети? У беты? – удивлялся Папа. Он никогда не задумывался над тем, как беты размножаются.

Откуда-то из снегопада послышался громкий выстрел, отозвался эхом, затем все стихло.

– Что это было? – спросил Олави.

– Это, наверное, был дед Мороз, он на своих запряженных оленями санях поднялся на небо. Это он щелкнул кнутом, – сказал Папа. И закрыл дверь.

Олави смотрел на Папу и думал над тем, что именно делает из альфы альфу, а из беты – бегу. Папа вернулся в гостиную и что-то сказал. Олави взбежал по лестнице в чердачную каморку, где еще витал слабый запах беты, и долго неподвижно сидел у елки.

Скоро кто-то загремел у входной двери, зазвонил дверной звонок. Папа ударил себя по лбу. Он забыл отменить

Деда Мороза-Биргера.

– Есть ли здесь хорошие дети, – басом спросил дядя Биргер.

– Ты опоздал, сказал Папа. – Сюда уже приходил Дед Мороз. Правда, он не закончил работу. Вдруг сошел с ума. Но ведь это был бета.

Дядя Биргер в замешательстве взглянул на Папу.

– Ах черт, это он отсюда шел! Он шел прямо на меня, почти налетел, он был в каком-то маскарадном наряде, я подумал, что одет он не по форме. И еще он выл... и не остановился, хотя я ему кричал, велел остановиться, но он пробежал мимо. Я был уверен, что он что-то натворил... Я вынужден было пристрелить.

ДК

Перевод с финского: Галина Пронина

FILI
FINNISH LITERATURE FOR YOUNG PEOPLE

Сергей Мезин

*Семьдесят две картины
нераскавшейся страны,
или*

*Новое путешествие из
Петербурга в Москву*

Нет истины, где нет любви.
А. С. Пушкин

В конце XVIII века российский дворянин, богатый помещик, честный чиновник и не очень еще известный литератор Александр Николаевич Радищев совершил путешествие из Петербурга в Москву. Дорожные впечатления составили канву книги, содержание которой далеко выходило за рамки описания того, что он увидел из окна кареты. Книга так разгневала Екатерину II, что глубоко преданный ей Сенат пригово-

рил писателя к смертной казни. Однако императрица вспомнила о своей «республиканской душе» и «добром сердце» и заменила казнь ссылкой в Сибирь. Тираж книги было приказано уничтожить. Так было положено начало литературной славе Радищева.

Средитех, кто заботился о том, чтобы имя Радищева не было предано забвению, был А. С. Пушкин. Он совершил обратную поездку с крамольной книгой в руках, по его словам, «заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург». Несмотря на то, что Пушкин невысоко оценивал литературные качества радищевского «Путешествия» и демонстративно порицал автора за то, что тот на верховную власть «напал с такой безумной дерзостью», цензура не пропустила в печать его статью «Путешествие из Москвы в Петербург». Также не увидела свет при жизни автора статья Пушкина «Александр Радищев». В ней он вновь оценил «Путешествие из Петербурга в Москву» как «посредственную» книгу, написанную «варварским слогом», но при этом отметил в авторе

«самоотвержение» и особую «рыцарскую совесть». Говоря о необыкновенной «честности» Радищева, Пушкин прозорливо раскрыл секрет вечного возвращения к радищевской теме.

Чуть позже «вслед Радищеву» проделал путь между двумя столицами Иван Глушков, составивший для Александра I «Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах по оному лежащих известия исторические, географические и политические; с описанием обывательских обрядов, одежд, наречий и видов лучших мест» (СПб., 1801). Это был своеобразный «антидот» (противоядие) по отношению к книге Радищева, имени которого благонамеренный автор путеводителя не называл. Однако кто сегодня помнит о Глушкове?

Радищева же потомки не забывали. В советское время он был «канонизирован» как первый российский революционер. Радищева почитали, но мало читали: школьники далеки не всегда могли осилить его тяжеловесную прозу. «Путешествие» трактовалось как страстное обвинение навсегда канувшему в прошлое миру тирании, беззакония, обществу «зверей алчных, пиявиц ненасытных». Навсегда ли ушел от нас этот мир?

Сегодня вновь вспоминают о правдолюбце-Радищеве те, кто хочет взглянуть на Россию без розовых очков. И вот уже известный историк, скрывшись за ироничным псевдонимом Сенькин-Толстый, смешит сквозь слезы интеллектуального читателя своей книжкой «Фердинанд, или Новый Радищев» (М.: Новое литературное обозрение, 2014). Этот «новый Радищев» удался от трассы «Россия» в псковскую глубинку и так проникся абсурдом современного сельского бытия, так вошел в обличительный кураж, что, кажется, и перед «святым» не может остановиться.

Не менее интересное путешествие «по

радищевским местам» между Петербургом и Москвой проделали бельгийские слависты Эммануэль Вагеманс и Вим Куденис. Результатом стал фотоальбом со знакомым названием «Путешествие из Петербурга в Москву» (фот. В. Куденис; пер. с нидерл. Д. Сильвестров. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013) – о нём и пойдет далее речь.

Не праздными туристами вступали авторы на этот путь. По крайней мере, один из них – заведующий кафедрой славистики Лувенского католического университета Э. Вагеманс – с далеких уже аспирантских времен знаком с российской жизнью. Он перевел на нидерландский язык целую библиотечку русских авторов, в том числе «Путешествие» Радищева. Человека, всю жизнь изучавшего Россию, в верх холядстве не уличишь. Правда, предупреждал Ф.И. Тютчев, что «умом Россию не понять», но чем же её понимать?

Авторы скромно заявляют, что они лишь «субъективные путешественники», комментирующие в альбоме свои фотовпечатления. Тем не менее, вооружившись капитальным знанием книги Радищева и внимательно присматриваясь к российским реалиям, проблемы они ставят серьезные: отношения между личностью и государством, контраст между столицами и провинцией, общественность общества в прошлое и исторический детерминизм, подавляющий мечты о будущем... Как соотносятся между собой прошлое и настоящее России? Что еще осталось от России времен Екатерины и Радищева?

Определяя жанр «Путешествия» Радищева, авторы пишут, что книгу эту нельзя считать путевыми заметками, она представляет собой опыт политической публицистики. Пожалуй, это можно сказать и о рецензируемом альбоме. Пять лет назад, готовя бельгийское издание, авторы отмечали, что радищев-

ские приверженность к свободе, ненависть к насилию и авторитаризму, идеи о пагубности войн и необходимости взаимовыгодной торговли по-прежнему актуальны. Кажется, сегодня они стали еще более актуальными.

На страницах книги мы находим либеральную, выдержанную в критическом духе версию российской истории. Что это? «Взгляд из Брюсселя», о котором, насупив брови, твердит сегодня наше телевидение? Можно, конечно, спорить по частным вопросам, но прислушаемся к оценкам: «... недостатки системы образования, половинчатые реформы, политические репрессии, безропотность народа и некомпетентность правителей...». Это о какой России? Оказывается, о России начала XX века. А вы что подумали, уважаемые читатели?

Петр I – основатель Петербурга – и Екатерина II – продолжательница его дела и гонительница Радищева – занимают весьма заметное место на страницах книги. Авторы полагают, что русские восхищаются Петром неумеренно и некритически, а Екатерина, «одна из наиболее просвещенных монархов Европы», кажется, вызывает у них большую симпатию. Они с удовлетворением отмечают, что в посткоммунистической России историки вновь уделяют ей внимание, которого она заслуживает. С огромным уважением пишут авторы о Радищеве – «первом русском диссиденте», идеальном «сыне отечества», упорном труженике, идеальном чиновнике. Так кто же милее их сердцу – честный писатель, смело бросивший вызов могущественной системе, или императрица, отдавшая его в руки своего палача Шешковского? Прямого ответа на этот вопрос мы не найдем. Лишь в эпилоге авторы, кажется, отдают предпочтение «передовому мыслителю», замечая, что его «Путешествие» было «замаскированной, неудачной попыткой вступить в диалог с

императрицей. Екатерина отвергла протянутую ей руку».

Впрочем, и у честного Радищева авторы разглядели небезупречный шаг: получив разрешение от цензора, он затем добавил в книгу немало весьма острых пассажей. «А текст, представленный цензору, не содержал резких выпадов, которые позднее вызвали гнев Екатерины».

Бельгийские слависты неоднократно критикуют российских историков, которые, по их мнению, постоянно скатываются к великодержавной риторике. «Нынешняя российская историография решительно возвращается к официальным взглядам конца XIX столетия... победа Сталина над нацистской Германией и президентство Путина рассматриваются как дальнейшие этапы исполнения чаяний русской истории». Хочется возразить по частному вопросу: все-таки в нашей историографии принято говорить о победе «советского народа» над фашистской Германией, но приходится согласиться по существу: профессора Московского университета уже провозгласили важнейшим достижением и целью отечественной историографии создание «государственно-охранительной концепции» (См.: Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. М.: Академия, 2008).

В книге замечено, что память о Великой Отечественной войне повсюду почитается в России, и города и села между Москвой и Петербургом – не исключение. Едва ли бельгийские слависты могут усомниться в праве русского народа рассматривать победу как часть нашей национальной идеи. Наверное, большинство отечественных читателей испытают моральный дискомфорт, знакомясь со страницами о роли войны в истории советского общества, о том, что «невывразимое страдание» выдается за «беззаветное самопожертвование», и не разделят примирительного чувства

авторов по отношению к солдатам Фландрского легиона, которые «отправились в Россию, чтобы вместе с немцами и в немецкой форме сражаться против “безбожного коммунизма”». Однако скрытая мысль авторов о том, что воспоминания о войне не могут заменить современной созидательной идеи, объединяющей народ, заставляет задуматься.

Авторские фотографии занимают в книге важное, самостоятельное место: они выступают в качестве источника, а не в виде иллюстраций к тексту. Альбом Э. Вагеманса и В. Кудениса – это отнюдь не путеводитель с эффектным «картинками». Хотя красота Петербурга и древности Новгорода не оставляют авторов равнодушными, фотографии чаще подбраны по радищевскому принципу: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Именно изобразительный ряд показывает извечную пропасть между столицами и провинцией в России. «Пухнувшая» от денег Москва и прибранный к трехсотлетию Петербург визуально противопоставлены провинциальной разрухе: «Лучшие времена миновали, сейчас здесь воронья и руины». Разрушенные фабрики, обвалившаяся штукатурка, провален-

ные крыши, пустые глазницы окон, бездомные собаки... «Многие сетования Радищева о заброшенности “провинции” сегодня звучат столь же актуально, как и раньше». Жалобы Радищева на бездорожье также ничуть не устарели: «Чуть в сторону от шоссе попадаешь если и не внеобитаемый мир, то почти наверняка на грязную проселочную дорогу». Из контекста авторского повествования следует, что «грехи коммунизма», в которых современная Россия так и не раскаялась и которые иногда имеют более глубокие исторические корни, мешают стране двигаться вперед.

Видимое невнимание государства к культурному и историческому наследию вызывает у авторов особую душевную боль. «Руинами России Екатерины Великой во множестве отмечен царский путь из Петербурга в Москву. Наряду с естественным исчезновением вследствие индустриализации и экономического развития... это вызвано вопиюще пренебрежительным отношением к культурному наследию». Шествия «вослед Радищеву», авторы констатировали, что большинство старинных почтовых станций и путевых дворцов на главной дороге России пришли в плачевное состо-

Словно в ответ на сетование авторов, что «Москва не слишком старалась принаравливаться к посткоммунистической реальности», в результате последней реконструкции бюст Ленина был убран из зала ожидания Ленинградского вокзала.

В старину говорили: На небе – рай, а на земле – Валдай», но из всех «райских» красот Валдайского Иверского монастыря авторы запечатлели лишь два серо-голубых столба – «стандартного цвета для советского времени».

яние. Особенно горько, когда эта разруха прикрывается примитивной наглядной агитацией. Печальная участь большинства старинных усадеб также не скрылась от глаз внимательных иностранцев.

«Не деист ли он?» – вопрошала императрица по поводу рассуждений Радищева, не сходных с православным учением. Подобный вопрос к уважаемым профессорам *католического* университета может возникнуть и у читателя современного альбома. Авторам не нравится, что «Русская православная церковь ныне явно в чести; вместе с государством и богатыми меценатами она строит и восстанавливает сотни храмов постепенно начинающих господствовать в русском ландшафте». «Дойдет ли очередь до всего остального?» – вопрошают авторы. Заметим: уж лучше «вместе с государством» восстанавливать храмы, чем превращать их в картофелехранилища, а восстановленные церкви вполне органично вписываются в русский ландшафт.

Увы, со многими критическими пассажами авторов нельзя не согласиться, в том числе и с тем, что по рекам России сегодня «курсируют в основном суда, предназначенные для состоятельных иностранных туристов, которым демонстрируют еще не подвергшиеся разрушению архитектурные сокровища старой России».

А вот с одним из редких позитивных наблюдений бельгийских путешественников абсолютно е большинство сельских жителей едва ли будут солидарны: «Лишь в посткоммунистические годы [власти] стали уделять внимание крестьянскому сословию». Авторы тонко подметили, что Екатерина II не выносила, чтобы подданный вкладывал персты в кровотокащие раны, притом что сама понимала, что в тех горьких вещах, о которых он говорил, действительно была правда». Еще горше бывает, когда на «кровотокащие раны» указывают наблюдательные иностранцы, которые «оскорбительно много видят» (вспомним герценовскую оценку Астольфа де Кюстина). Назидательный дискурс авторов, который иногда прорывается наружу («серьезнейшая задача, которая стоит перед посткоммунистической Россией...»), едва ли достигнет своей благородной цели. Дело в том, что (нравится нам это или не нравится) либеральные ценности, проповедуемые авторами, не готовы разделить не только обитатели российской глубинки, но и большинство «европеизированных» на вид жителей столиц.

«Посторонним Россия чаще всего представляется черно-белой», – замечают авторы альбома, но увиденный ими русский мир более многоцветен. Простим уважаемым авторам некоторое упрямство во взгляде. Может быть, они, как некогда Радищев, «зрят сквозь целое столетие». Думается, что книга Э. Вагеманса и В. Кудениса сделана с любовью к России, пусть и «странной».

Саратовский государственный
университет
им. Н.Г. Чернышевского

Нам не дано
предугадать.
Поэтический
сборник.
Выпуск 10.
Mir
Collection,
New York
2014

Времени
голоса...
Сборник
прозы.
Выпуск 8.
Mir
Collection,
New York
2014

О голосах времени

Известное нью-йоркское издательство MIR COLLECTION осенью 2014 порадовало своих авторов и читателей выходом сразу двух сборников поэзии и прозы.

Юбилейное издание альманаха «Нам не дано предугадать» открывает интервью основателя издательства Марка Черняховского. Подводя итоги десятилетия, он говорит: «Была цель, опыт за плечами, огромное желание и силы, чтобы эту цель реализовать».

Издательство существует уже много лет, регулярно раз в год издает коллективные сборники, на страницах которых публикует лучших авторов Русского зарубежья, объединяя всех СЛОВОМ. Об этом говорит само название рубрики «Наши авторы – во всём мире». Здесь поэты, прозаики, эссеисты, публицисты из США, Израиля, Швейцарии, Франции, Греции, СНГ и других стран, и, конечно же, из России. «Критерий один, – продолжает Марк Черняховский, – уровень литературного произведения».

Ценно то, что в рубрике «Памяти наших авторов» (сб. «Нам не дано предугадать»), представлены те, кто ушел от нас, но кого мы помним и любим и не должны забывать. А сборник «Времени голоса» открывается с текстов, посвященных памяти Габриэля Гарсиа Маркеса.

В сборнике поэзии есть страницы творчества молодых, что очень важно для тех, кто еще не успел выпустить свою собственную книгу стихов. «Наверное, в этом и состоит уникальность наших сборников, когда под одной обложкой собраны произведения классиков литературы и начинающих авторов», – считает издатель.

Примечательно, что издательство приглашает к участию авторов из той или иной страны – для этого служит рубрика «У нас в гостях...». В 2014 году гостями сборника стали поэты журнала «LiteraruS»: Хамдам Закиров, Нина Гейдэ, Полина Копылова и Татьяна Перцева. Авторы журнала «LiteraruS» пригласили также на страницы сборника прозы «Времени голоса». В нем напечатан рассказ Зинаиды Линден «Любовь к трем апельсинам», рассказ Полины Копыловой «Ухо», эссе Игоря Воловика «Дрезден», рассказ Людмилы Коль «Сюжет с Кандинским» и рассказ Татьяны Перцевой «Случай на Центральном вокзале».

Выход в свет таких изданий показывает, что народ, который называется «Русское зарубежье», живет полноценной жизнью.

Рецензент

Алексей Востров. Шведский архипелаг в Финляндии.
Взгляд со стороны. СПб: Карелико, 2014.

Отдельно рассмотрена позиция известных шведоязычных представителей литературы и искусства: Йохана-Людвига Рунеберга, Закариаса Топелиуса, Яна Сибелиуса, Хелене Шерфбек, Эдит Сёдегран, Туве Янссон. Через их произведения показана ситуация шведоязычного сообщества Финляндии в историческом и культурном контекстах.

Книга позволяет взглянуть на действительность финляндских шведов под другим углом зрения, возможно, отличным от принятого в Финляндии. И заострить внимание на тех аспектах, которые до этого мало рассматривались.

Научными консультантами проекта выступили Тимо Вихавайнен (Университет Хельсинки) и Чель Хербертс (Академия Або, Вааса).

Автор книги Алексей Востров – университетский преподаватель, журналист. Ведет исследования, посвященные истории и культуре Финляндии. Регулярно печатается в России и Финляндии. Живет в Санкт-Петербурге.

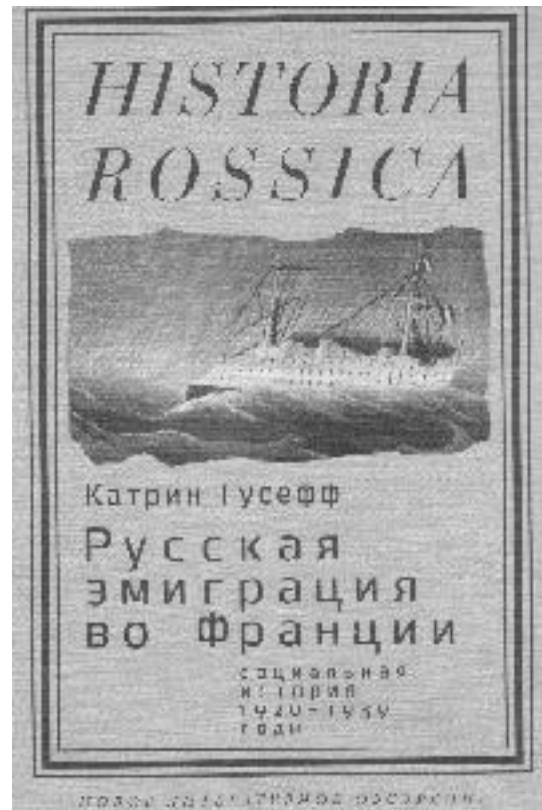
Книга представляет собой сборник эссе, посвященный Шведской Финляндии. Ее целью является не историческое и социологическое исследование в прямом смысле слова, а поиск (иногда интуитивный) неочевидных, глубинных взаимосвязей между историческим прошлым финляндских шведов, их настоящим в контексте современных социологических и культурных процессов, перспективами сохранения целостности данного языкового сообщества. Вместе с тем, все выводы и аналогии базируются на строгих исторических фактах и рассмотрены в свете основных культурологических тенденций последних десятилетий.

Большое внимание уделено впечатлениям о Шведской Финляндии ее представителей, проживающих в разных регионах страны и имеющих различный социальный статус.

Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байсвенгер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

Изучение истории русской эмиграции в России за последние два десятилетия превратилось из маргинального занятия во вполне самостоятельную дисциплину. Однако было бы преувеличением считать, что эмигрантоведение процветает. Проблемы очевидны: туг и недостаток квалифицированных исследователей, и сложности с источниковой базой, и отсутствие грамотной рефлексии относительно исследовательской методологии. Российское эмигрантоведение по-прежнему пребывает в стадии «первоначального накопления».

Тем важнее факт выхода в свет российского издания монографии французского историка русского происхождения, Катрин Гусефф. Исследовательница задалась целью создать некий документированный коррелят к «мифам и легендам» о русской эмиграции после 1917 г. – и не только во Франции, но и в Европе. Влияние этих мифов, как показывает Гусефф, было исключительно велико – и восемьдесят лет назад, и ныне.

Гусефф рассказывает исключительно драматичную историю – историю русских в Европе – и задается вопросом: «Беженцы? Переселенцы? Иммигранты? Эмигранты? Действующие лица или жертвы? Как точнее назвать этих людей, оказавшихся за пределами родины, в различные моменты их скитаний?»

На помощь исследовательнице приходят исключительно ценные материалы различных государственных институций и общественных организаций, занимавшихся беженцами. Обращение к архиву руководимого Ф. Нансеном Верховного комиссариата по делам беженцев позволило создать карту российского беженства в Европе, а экспликацией к ней становится переписка между комиссариатом и странами, принимавшими у себя русских.

Служебная переписка позволяет увидеть в

деталей то, что стороннему (и хронологически тоже) наблюдателю может показаться неким единым потоком беженцев из России в Европу. На основе архивных документов Гусефф мастерски показывает, что как раз никакого единства и одной понятной всем сторонам схемы не было. Более того, для многих, вероятно, окажется новостью, что Фритьоф Хансен, давший имя знаменитым паспортам для эмигрантов, одно время был решительным сторонником репатриации, т.е. возвращения русских эмигрантов в Советскую Россию. Для русской политической эмиграции это было совершенно неприемлемым, и в Совет Лиги Наций был послан специальный меморандум, осуждавший снисходительность Хансена к советскому строю. Самому же Хансену вскоре пришлось разочароваться в своих иллюзиях, которые в нем поддерживали советские дипломаты.

Гусефф рассматривает русскую эмиграцию в Европе (и непосредственно во Франции) не только и не столько сквозь «русские эмигрантские очки», сколько сквозь государственно-юридическую призму и на широком фоне военных и послевоенных миграций, затронувших миллионы жителей Европы. Статистические отчеты превращаются в поистине захватывающее (и часто психологически трудное) чтение. Гусефф цитирует слова Нины Горфункель о русской общине во Франции между двумя мировыми войнами: «грустный мир без детей, где все пили и где было много холостых, „одиноких“, как печально говорили сами русские». Исследовательница блестяще комментирует, с фактами в руках, это и другие высказывания эмигрантов.

Важная деталь: Гусефф изучает русскую эмиграцию во всем ее сословном многообразии. Это, таким образом, не история великих князей и великих писателей, а история рядовых эмигрантов, обывателей, рабочих, ремесленников. Соответственно, и географический охват исследования – на французском материале – это не только Париж и Ривьера, но и провинция. У этой истории «простых» эмигрантов есть и одно принципиально важное измерение. Гусефф подробно пишет о внутриобщинной сплоченности и настаивает на том, что она «действительно играла решающую роль в дальнейшей судьбе русских во Франции». Ярким примером этого может, например, служить издание парижским «Союзом русских шоферов» собственного бюллетеня «Русский шофер», в первом номере которого участвовал сам Бунин.

Книга Катрин Гусефф – пример плодотворной встречи семейных преданий и бесстрастных фактов. В книге нет «развенчания мифов» как самоцели, но есть удачный и перспективный опыт научного анализа явлений, которые часто знакомы читателю только по эмигрантской мемуаристике.

Михаил Ефимов, Выборг

Людмила Коль.
«Маленький кусочек счастья».
 М: Вест-Консалтинг, 2015. 268 стр.
 ISBN 978-5-91865-316-6

2015 год Людмила Коль отметила выходом своей новой книги, которая издана к двадцатилетию творческой деятельности автора. В ней собраны пять новелл: «Легкий трёп во время aperitiva», «Где-то хлопнула дверь», «Китайский чай», «Поспи на облаке» и «Козье молоко», – а также интервью, данные в разное время писательницей. Ни одна книга Людмилы Коль никогда не остается без внимания критиков и читателей.

«Творчество Людмилы Коль – слусток радости, мысли, энергии, драматизма...» – пишет Елена Крюкова.

«Автор не судит своих персонажей, оставляя им право каждому оставаться собой, вслушиваясь в их голоса. В этом важное качество прозы Людмилы Коль – настроенной прежде всего на слушанье, стремящейся понять человека и постигнуть суть...» – высказывает свое мнение о писателе Алексей Филимонов.

«Проза Людмилы Коль открывает двери в жизнь русского зарубежья, одновременно спокойную и драматичную», – считает Анастасия Ростова.

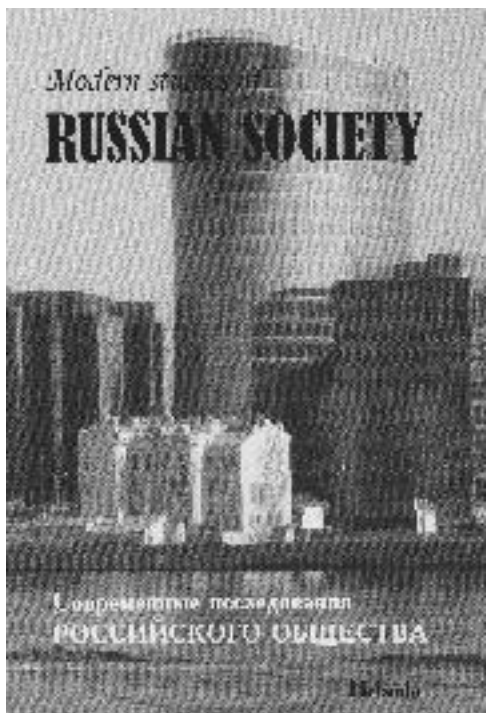
«...Людмила Коль в большинстве своих произведений касается именно этой темы: жизнь и мироощущения российского человека за пределами исторической родины», – замечает Владимир Шпаков.

Из отзывов читателей:

«Кажется, автору удалось зацепить ту тонкую непроявленную часть души, вернее ее жизни, о которой почти никто не говорит, не принимают во внимание, а у некоторых она просто отсутствует. Может быть, влияние подсознания и всего опыта, который получает человек (даже если он его не осознает или не помнит) на поступки и восприятие мира (это и создает изюминку человека). Вспоминаются произведения Гессе и Набокова (они другие, но впечатление от их прочтения было такое же, как от новеллы «Поспи на облаке»). И элемент сюрреализма, конечно, который безусловно играет роль и дает читателю возможность толковать произведение по-своему и таким образом соучаствовать в процессе. – ТВ»

«Удивительно ёмко обрисованы характеры и показано их развитие во времени. – ГП»

Коллективная монография «Современные исследования российского общества» издана в Хельсинки в июне 2014 г. Она отличается от многих других, таких же научных изданий, в первую очередь тем, что охватывает широкий круг вопросов, характеризующих современное состояние российского общества. В этом смысле она приобретает чуть ли не исторический характер, потому что весьма точно отражает поле проблем России и многообразие точек зрения на эти проблемы. Тем более, интересно, что среди его авторов есть такие оригинальные и независимые исследователи, как Ватаняр Ягья, Николай Обозов, Владимир Снетков, Галина Бирюкова, Татьяна Нещерет и др. Перечислять можно всех авторов. По этой причине, данная коллективная монография будет востребована не только сегодня, но будет очень полезна потом, когда новые авторы будут анализировать причины грядущих радикальных и глобальных перемен в Европе и в

России, когда эти изменения завершатся или приостановятся.

Имея в виду высокий научный и общественный авторитет авторов статей, едва ли стоит подвергать их материалы критическому анализу, сомневаться в правильности и обоснованности их выводов: время покажет в ближайшем будущем, кто из них был не прав, а кто прав в своем видении предмета своего исследования и в своих оценках?

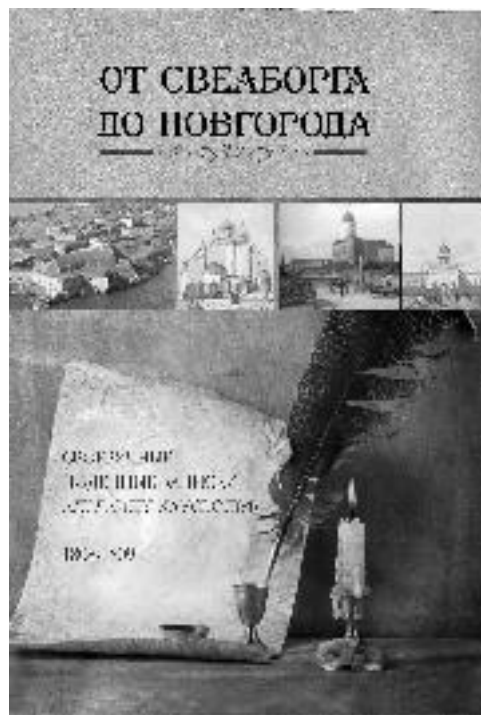
Все авторы этого научного издания едины в том, явно или неявно, что мир находится накануне грандиозных изменений, которые заключаются в том, что отменяются многовековые аксиомы о суверенитете государств, оценки и интерпретация всей мировой истории. Например, когда Вторая мировая война понимается не как борьба с фашизмом, а как столкновение двух империй – Германии и СССР, когда христианство с его моральными ценностями представляется как главный тормоз развития и тому подобное.

Гадать сегодня, чем кончится нарастающее противостояние консерватизма и неолиберализма так же бесполезно, как бесполезно было предвидеть, во что превратится мир после Бретон-Вудских соглашений, изобретения компьютеров и другое. Но материал коллективной монографии дает повод попытаться предположить: что же последует из знания того, о чем пишут авторы? Внимательный читатель найдет в материалах данных научных статей вполне достаточно сведений, чтобы самому определиться в своей человеческой и общественной позиции по самым острым вопросам современного российского общества.

Александр Юрьев,
профессор, д-р психол. н.,
рук. Научного центра политического
консультирования ф-та политологии
С.-Петербургского Гос. Университета

**От Свеаборга до
Новгорода.
Своеручные
поденные записки
Аделаиды Хаусвольф.
1808-1809 /**
Составление,
вступительная статья
Г. Коваленко, перевод
А. Галиновой под ред.
Г. Коваленко,
комментарии
Г. Коваленко и
Ю. Мошник / Великий
Новгород, 2014 – 252 с. с
иллюстр.

В дневнике описано «удивительное путешествие в плен» Аделаиды Элеоноры Софии фон Хаусвольф. Ее отец майор Ханс Густав Хаусвольф был взят в плен при сдаче Свеаборга в мае 1808 г. Он отказался перейти на русскую службу, и был выслан на временное место жительства в Новгород. Аделаиде было разрешено сопровождать его.

Когда Аделаида прощалась со своей подругой Жанеттой фон Тёрне, она обещала, что специально для нее она будет вести дневник. Подруги предпочли бы переписку, но они понимали, что в условиях плена это вряд ли будет возможно. Переписку заменил дневник Аделаиды, который она вручила Жанетте по возвращению в Финляндию. В дневнике Аделаида описала путь из Хельсинки в Санкт-Петербург, кратковременное пребывание в

Петербурге, переезд из Петербурга в Новгород, а также возвращение из Новгорода в Хельсинки с остановками в Санкт-Петербурге и Выборге. Большая часть дневника посвящена Новгороду, в нем описаны быт и нравы горожан, их повседневная жизнь, отношение к пленным шведам.

Дневник Аделаиды Хаусвольф хранится в Королевской библиотеке в Стокгольме. Его рукописные копии есть в Военном архиве Швеции и в Государственном архиве Финляндии. Впервые дневник был издан в сокращенном виде в 1912 г., полное издание вышло в 2007 г.

На русском языке в полном объеме дневник издан впервые.

Н
О
В
А
Я

К
Н
И
Ж
А